

Копирование, тиражирование
и распространение материалов, содержащихся в книге,
допускается только с письменного разрешения
правообладателей.

А. Рихтер · Юлия Кот · Анна Сешт · Олег Крамер
Герман и Тамара Рыльские · Валерия Шаталова
Дарья Урбанская · Екатерина Каретникова
Фим Юлия · Сора Наумова · Мария Дубинина
Светлана Волкова · Хельга Воджик · Алиса Бодлер

ПОД ЧУДЕСА СНЕГОМ

NO SUGAR
BOOKS

Москва
2024

САМАЯ ХОЛОДНАЯ НОЧЬ ЗА СТО ЛЕТ

А. РИХТЕР

1

*Winter kommt! Winter kommt!
Flocken fallen nieder*.*

Самолет взлетел, и уши, как обычно, заложило. Анна смотрела в иллюминатор: земля, нарезанная полосками, быстро исчезала за плотными облаками. Наконец-то она сможет вздохнуть спокойно. Ну, или почти. Почувствовать себя в безопасности у нее получится лишь тогда, когда ее ноги вновь коснутся земли. Самолет качнуло, и она вздрогнула. Неужели турбулентность?.. Уже?

* Зима пришла! Зима пришла! / Кружатся снежинки. Здесь и далее перевод с немецкого И. Офицеровой.

В кресле рядом с ней сидел показавшийся ей немного странным мужчина в годах. На нем был твидовый костюм винного цвета и совсем не подходящий, даже несколько вульгарный галстук желтый, с мелкими коричневыми оленями. «Настоящее преступление перед модой», — подумала Анна. Впрочем, чужой стиль или его отсутствие не должны были ее волновать.

— Могу я предложить вам воды? Или, может быть, сока? — спросила стюардесса в черном строгом костюме с оранжевым платочком на шее.

С оранжевым?.. Разве они всегда были такого цвета? Или дело в том, что Анна давно не летала этой авиакомпанией?

— Прошу прощения... — снова обратилась к ней стюардесса.

Анна, будто очнувшись, пробормотала:

— Воду, пожалуйста. И как можно холоднее.

Стюардесса отошла, и мужчина, подмигнув, обратился к Анне с вопросом:

— Не боитесь замерзнуть? Говорят, новогодняя ночь в Бонне будет самой холодной за последние сто лет. Я бы не рискнул пить что-то ниже 45 градусов.

Если Анна что и ненавидела больше, чем летать на самолетах, так это внезапно заговаривавших с ней незнакомцев.

— Я рискну, — коротко ответила она, всем своим видом показывая, что не намерена продолжать разговор.

— Ого! Смотрю, вы настроены решительно, — заметил мужчина и, отстегнув ремень безопасности, повернулся к ней.

Анна подняла взгляд — широкое лицо незнакомца было в крупных морщинах, мелких пигментных пятнах и веснушках. Нос картошкой, а глаза... В глазах светилась доброта. Его улыбка была по-детски беззаботной. Анна почувствовала неловкость за свой резкий ответ.

— Вы в Бонн по работе? Или родных решили навестить? — продолжил сосед, явно настроившись поболтать.

И Анна тут же вновь рассердилась. «Вам-то что за дело», — хотела огрызнуться она, но сдержалась и лишь сухо сказала:

— У меня в Бонне дела.

Ну, теперь-то он уж должен понять, что светской беседы не выйдет. Однако добродушный господин намек не понял. Или сделал вид, что не понял.

— Канун Нового года — идеальное время для небольшого путешествия, не правда ли? Я вот не очень люблю покидать родной дом, но раз в году...

Его слова журчали бесконечным потоком. Время от времени слух Анны выхватывал из него отдельные слова: «снег», «елка», «игрушки»...

Самолет опять качнуло, и Анна вздрогнула.

— ...столько счастья, столько улыбок! — продолжал мужчина, словно не замечая полного отсутствия реакции с ее стороны. — А как-то я отвлекся, и едва не перевернулся вместе со всеми подарками. Чуть все кости не переломал, представляете?

Анна зачем-то кивнула.

— Ну и ну. А вот я никогда ничего себе не ломала.

Хотя это было неправдой. Еще в школе, несколько раз, играя в волейбол и неудачно отбив мяч, она ломала пальцы рук. Но она надеялась, что надоедливый сосед хотя бы с третьего раза поймет, что у нее нет ни малейшего желания поддерживать беседу.

— Извините, — подняла Анна руку, увидев проходившую мимо стюардессу. — Я просила воды.

— Да-да, сейчас, — улыбнулась та и поправила платок на шее. — Может быть, хотите вегетарианский сэндвич с рукколой и солеными огурцами?

— Просто принесите воды.

Анна потеряла переносицу. Сколько еще до конца полета? Пятнадцать минут? Полчаса?

— О, я ведь не представился! — Мужчина вдруг протянул ей руку. — Я Отто. Отто Майер.

— Очень приятно, герр Отто... — она слабо пожала его руку. — Меня зовут Анна.

— А я вас узнал! — весело заметил он. — Сначала думал, что обознался, но теперь пригляделся и понял — это же вы!

Оттянув галстук, будто тот начал его душить, он негромко пропел:

— «Вид твой распугал всех ко-о-оз, ах, проклятый варикоз... Покупай скорей наш гель — будет...»

— Да-да, — Анна сердито посмотрела на него, мечтая, чтобы он замолчал. — Это я. Девушка из рекламы геля от варикоза. Прошу вас, тише!

Отто поднял руки в примирительном жесте:

— Понимаю! Фанаты...

Анне стоило больших усилий не закатить глаза.

— Спасибо за понимание, — проговорила она.

Стюардесса наконец принесла воды, Анна сделала несколько больших глотков и отвернулась к иллюминатору. Лучше весь полет трястись от ужаса, чем слушать давно осточертевший ей рекламный джингл в исполнении соседа.

Средство против варикоза... Анна ненавидела его даже больше, чем перелеты и случайные разговоры.

Одно необдуманное решение, и вот уже все вокруг при виде тебя начинают напевать эти проклятые

строчки. Она вздохнула. Ей было двадцать лет, и она мечтала работать на телевидении. Кто знал, что все так обернется? Ролик с ее участием вошел в топ-10 самых надоедливых реклам года по версии местной газеты, а в интернете можно найти больше ста пародий. Ее останавливали на улице, с ней фотографировались, даже фотожабы делали! Вот только никто не знал, насколько все это отравляло ее жизнь. Никто не знал, что ей приходилось выслушивать от телепродюсеров и кастинг-директоров... Никто не знал, что она чувствовала, когда вместо серьезной работы ей предлагали сниматься в рекламе сомнительных товаров или приглашали на третьеразрядное шоу талантов...

— Грязный пиар — тоже пиар, — сказал ей как-то Франц, друг детства.

Раньше они были неразлучны, но последние семь лет лишь изредка созванивались. — Они еще пожалуют, что не давали тебе нормальную работу. Но однажды ты станешь самой популярной ведущей Das Erste* и твой телефон будет разрываться от звонков!

Анна не спорила — он ведь так старался ее подбодрить. Но все понимали, что ее карьера безнадежно испорчена. Анна из кожи вон лезла, чтобы смыть с себя это пятно варикозного позора. Но ей уже

* Das Erste — немецкий телеканал.

двадцать семь, и последние пять лет она продает двери. Ах, простите, — не просто двери, а «двери высшего качества по приятным ценам». Дуб, орех, экзотические породы. Доставка, установка, гарантия.

— Бойтесь летать? — голос Отто раздался над ее ухом, словно протрубили в горн.

— Что? Почему вы так решили?.. — рассеянно спросила Анна.

— Вы так стиснули этот бедный стаканчик... У вас что, с ним личные счета?

Это была просто дурацкая болтовня. Но Анну она почему-то развеселила.

— Да. Он из пластика, а я этого не одобряю.

Отто посмотрел на нее так, что ей стало не по себе. Ей вдруг показалось, что она испортила ему настроение. А еще — что ему все о ней известно: о неудачах на работе; о помолвке, расторгнутой за две недели до свадьбы; даже о «сникерсе», который она надкусила в зале ожидания и бросила в сумку, и теперь подкладка вся в шоколаде и липкой карамели...

— Какие у вас планы на Новый Год? — спросил Отто с прежним добродушием, и наваждение рассеялось.

— Планы?.. — вздохнула Анна.

Не было у нее никаких планов. Только глупая идея, пробудившая ностальгию и заставившая отправиться в путь.

Когда она сказала маме, что хочет съездить в старый дом бабушки Милдред, та несколько минут молчала. Анна даже подумала, что их разъединили.

— Детка... — начала мама, — может лучше приедешь к нам? Я куплю в лавке у Ганса твои любимые берлинеры*, посмотрим «Ужин на одного»**. Мы давно не собирались вместе.

— Нет, мам, не хочу, чтобы вы меняли планы из-за меня. Я же знаю, вы уже договорились встретиться с друзьями.

— Ну и что? На Рождество ты не смогла приехать из-за работы, так может, хоть на Новый год? Мы все отменим!

— Даже не думай! — строго проговорила Анна. — Я заеду в бабушкин дом, а потом сразу в отель. Встречу Новый год и полечу обратно.

— Ты уверена? — в мамином голосе еще звучали сомнения. — Точно не хочешь к нам? А что Маттэо об этом думает?

* Берлинер — обжаренный в масле пончик из сладкого дрожжевого теста с начинкой из клубничного, сливового конфитюра или крема. Популярный десерт в Германии, особенно на Новый год.

** «Ужин на одного» (*Der 90. Geburtstag oder Dinner for One*) — короткометражная комедия, которую в Германии показывают в канун Нового года.

Анна ответила только на первый вопрос.

— Точно, мам.

— Давай я хоть Францу позвоню, думаю, он с радостью составит тебе компанию. Вы же так любили этот дом. Как вспомню...

— Ни в коем случае! — перебила ее Анна. — У него полно дел. В последний раз, когда мы с ним говорили, он жаловался, что даже позавтракать не всегда успевает, а ты хочешь, чтобы он тащился на другой конец страны!

— Берлин не так уж и далеко, — вздохнула мама. — Но как скажешь. Если вдруг передумаешь, напиши. Люблю тебя.

— И я тебя, — сказала Анна и убрала телефон в карман.

* * *

— Анна? — Отто вопросительно смотрел на нее. — Вам не хочется об этом говорить? Я лезу не в свое дело?

Она хотела ответить что-нибудь уклончивое, но слова застряли в горле. Отто вдруг потянулся к ней, накрыл большой горячей ладонью ее замерзшую руку и по-отечески улыбнулся. Все ее чувства вдруг обострились... Перед глазами возник камин с тлеющими в нем углями, она чувствовала запах еловых веток, ощущала на губах вкус лимонада,

который им с Францем разрешали пить только по праздникам. Она удивленно уставилась на соседа и как только открыла рот, слова полились сами.

— Когда я была маленькой, мы часто встречали Новый Год у моей бабушки. Гостей было столько, что я даже сосчитать их не могла. Кажется, взрослые соревновались, сколько друзей поместится в доме. Это было самое лучшее время в моей жизни.

— Почему? — спросил Отто, не убирая руки.

— Мне никогда не бывало там скучно. Я играла или помогала бабушке Бернару готовить имбирное печенье. Мне так нравилось наряжать елку!.. И там... Понимаете, там я никогда не чувствовала себя одиноко, — улыбнулась она. — Мы веселились, гадали на расплавленном олове, а как-то Франц привез мне леденцы Berlingot, которые тетюшка Уна купила для него в Париже. Мы поспорили, кто сгрызет больше конфет. У меня откололся кусочек переднего зуба, а Францу стало плохо, и теперь у него аллергия на сладкое...

— Вам, наверное, здорово досталось... — заметил Отто.

— Нет, бабушка кого угодно могла успокоить, — Из ее глаз вдруг полились слезы, но она этого не заметила. — Даже мою маму, которая любую мелочь может раздуть до масштабов вселенской катастрофы.

Он замолчала, слова комом встали в горле.

— Ее больше нет, да? Вашей бабушки? Вы летите не к ней?

Анна закрыла глаза.

— Да, — с трудом проговорила она. — Бабушка умерла десять лет назад, когда мне только исполнилось семнадцать. Ее долгое время мучил кашель, но она все откладывала поход к врачу. А потом уже было слишком поздно...

Она прерывисто вздохнула.

— Дом так и не продали. У мамы хватило сил только на то, чтобы сложить вещи в коробки. Раз в год, конечно, папа заводит разговор о том, что земля стоит дорого, и мы могли бы неплохо зарабатывать, если бы наконец разобрались с документами. Но мама не хочет продавать этот дом. Думаете, это глупо?

— Не возьмусь судить о поступках вашей матери, — сказал Отто, а затем добавил: — Но почему бы вам самой не поселиться в этом доме? Судя по всему, вы его любили.

Анна помрачнела и отстранилась. Странные ощущения покинули ее. Она похолодела: с чего это она вдруг так разболталась с незнакомцем?

— Я не могу, — ответила она и, коротко извинившись, отвернулась.